

А.Э. КОНТОРОВИЧ

Фоторепортаж
Владимира Дубровского

ИСПОВЕДЬ МОНОЛОГ ГЕОЛОГО- РАЗВЕДЧИКА...

КОНТОРОВИЧ Алексей Эмильевич — действительный член РАН, доктор геолого-минералогических наук, председатель Научного совета РАН по проблемам геологии и разработки месторождений нефти и газа, директор Института геологии нефти и газа СО РАН (Новосибирск). Член совета директоров ОАО НК «ЮКОС».

Главный редактор журнала «Геология, геофизика и разработка нефтяных и газовых месторождений», заместитель главного редактора журнала «Геология и геофизика».

Награжден орденами Трудового Красного Знамени, «За заслуги перед Отечеством» IV степени, орденом Почета, медалью «За освоение недр и развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса», званием «Заслуженный геолог РСФСР», «Почетный разведчик недр» и другими наградами. Лауреат Государственной премии РФ (1994), Премии правительства РФ (2002), Премии им. А. Н. Косыгина (2003), Премии им. академика И. М. Губкина АН СССР (1974). Автор и соавтор более 500 научных работ, имеет 4 изобретения и 3 патента.

А. Э. Конторович — известный специалист в области геологии нефти и газа, органической геохимии, математической геологии. Он внес значительный вклад в развитие теории нефтидогенеза — происхождения нефти и газа, вместе с академиками А. А. Трофимуком, В. С. Сурковым и другими, научно обосновал и открыл нефтегазоносность докембрия Восточной Сибири. Активный участник открытия и освоения крупнейших нефтегазоносных провинций: Западно-Сибирской, Лена-Тунгусской и Хатангско-Виллюйской. При его участии в 1970–1980-е гг. были разработаны комплексные программы развития геологоразведочных работ на нефть и газ в нефтегазоносных провинциях Западной и Восточной Сибири, Якутии. В последние годы А. Э. Конторович активно участвует в разработке стратегических социально-экономических документов, являясь одним из авторов «Энергетической стратегии России», «Стратегии экономического развития Сибири» и многих других документов, посвященных социально-экономическому развитию регионов Сибири. Большой заслугой А. Э. Конторовича стало создание в 1997 г. Института геологии нефти и газа (в составе Объединенного института геологии, геофизики и минералогии СО РАН им. А. А. Трофимука), который за эти годы приобрел известность и авторитет не только в России, но и за ее пределами. Заведя кафедрой месторождений полезных ископаемых Новосибирского государственного университета, профессор Конторович принимает активное участие в подготовке будущих ученых-геологов. Под его руководством защищено более 70 кандидатских и 20 докторских диссертаций.

По образованию я — физик. И, наверное, получился бы из меня неплохой физик. Но судьба распорядилась так, что уже в 1958, через два года после окончания Томского государственного университета, я пришел в отраслевой геологический институт — СНИИГиМС (Новосибирск).

Почему так случилось? Проблема излишне политизированная, и бывшим советским людям, увы, хорошо знакомая...

Итак, геохимией нефти, вопросами ее образования, геологией Западной Сибири я начал заниматься с конца пятидесятых. Постепенно круг моих интересов расширился совершенно естественным образом, так как геология вообще и геология нефти и газа в частности — очень много-

плановая область деятельности человека... С одной стороны, это наука, а с другой — производство.

Единственным отраслевым министерством у нас в стране, которое содержало в своем наименовании название науки, было Министерство геологии. В геологии научный, исследовательский процесс очень плавно переходит в производство. Были и есть, разумеется, в отечественной геологической науке чистые теоретики, всемирно известные и признанные, например один из моих учителей, член-корреспондент АН СССР Н. Б. Вассоевич. Но Сибирь с ее сверхбогатыми недрами породила другую генерацию ученых, не разделяющих в своей работе этих двух ипостасей геологии. Вот и я — хотя фундаментальные проблемы меня волнуют чрезвычайно — две трети рабочего времени отдаю, как и мои коллеги по институту, очень востребо-

2 года
8 месяцев

А.Э. Конторович родился в Харькове (Украина), в школьные годы жил в Прокопьевске (Кемеровская обл.), высшее образование получил в Томском государственном университете. С 1958 г. живет и работает в Новосибирске

Томский университет

1939 г.

ваным сейчас прикладным аспектам геологии. Если кратко перечислить мои «академические привязанности», это во-первых, теория образования нефти и газа, а также эволюция механизмов их образования. Последний аспект, как мне кажется, до меня никто не обсуждал. Хотя какие-то отдельные фрагменты и высказывания по этому поводу можно найти у Владимира Ивановича Вернадского, Ивана Михайловича Губкина и Николая Bronиславовича Вассоевича.

Область теории, которую я разрабатывал весьма глубоко, — органическая геохимия. Известно, что у геологов существует две теории, два мнения относительно генезиса нефти, взаимно исключающие друг друга. Одни утверждают, что нефть образовалась абиогенным путем, в результате синтеза неорганических соединений в глубоких слоях земной коры — из углерода, водорода и других элементов. Другие считают, что нефть образовалась из органического вещества, точнее, из жировых его компонентов, так называемых липидных комплексов, играющих большую роль в жизни каждой живой клетки и живого организма. Это и моя точка зрения.

Дело в том, что все живое на Земле устроено по одному и тому же закону: биохимия живого вещества от простейшего организма до *Homo sapiens* принципиально одинакова. Поэтому нефть с возрастом 1 млрд 400 млн лет и нефть с возрастом 50 млн лет в сущности своей не отличаются одна от другой. Но живое развивалось, и состав нефти, из него образовавшейся, «эволюционировал» тоже. Жизнь на нашей планете зародилась 3,5 млрд лет назад — это была морская, простейшая жизнь, высшей наземной растительности тогда не существовало. И когда жизнь вышла на сушу, то появилось огромное количество новых экологических ниш, которые сначала стали «генерировать» жизнь, а потом нефть...

Есть палеонтологические остатки, по которым геологи устанавливают возраст осадочных комплексов, и есть химические фрагменты молекул, по которым мы раскрываем биографию нефти. Это как отпечатки пальцев, даже есть выражение — «химические отпечатки пальцев». Вот ведь люди с годами меняются, но ребенок, взрослый и старый человек — один и тот же, хотя внешне выглядит по-разному. Так же по составу нефти я могу сказать, сколько она прожила и что пережила. Была у нее «тяжелая» жизнь или «легкая». Образовалась она из высшей наземной растительности или из живого вещества планктона и бактерий, при высоких температурах или при низких... Замечу, что терминология в геологию пришла из областей знаний, изучающих ископаемые и живые организмы. Так, ископаемые углеводороды, которые изучаем, называем «биомаркеры» или «хемофоссилии».

Я часто говорю студентам на лекциях: представьте, в окрестностях нашей планеты появились некие инопланетяне и хотят понять, что из себя представляет жизнь. Можно ли, наблюдая за Землею из космоса и не изучая живую клетку, живой организм, его функционирование, понять жизнь? — Конечно, нет! Так и нефть. Нельзя понять ее природу, если ты не изучил строение ее молекул, не понял,

как они образовались. Вот поэтому геохимия нефти в осадочных породах, а не нефти как объекта переработки — это еще одно направление моей деятельности, если говорить о фундаментальных исследованиях.

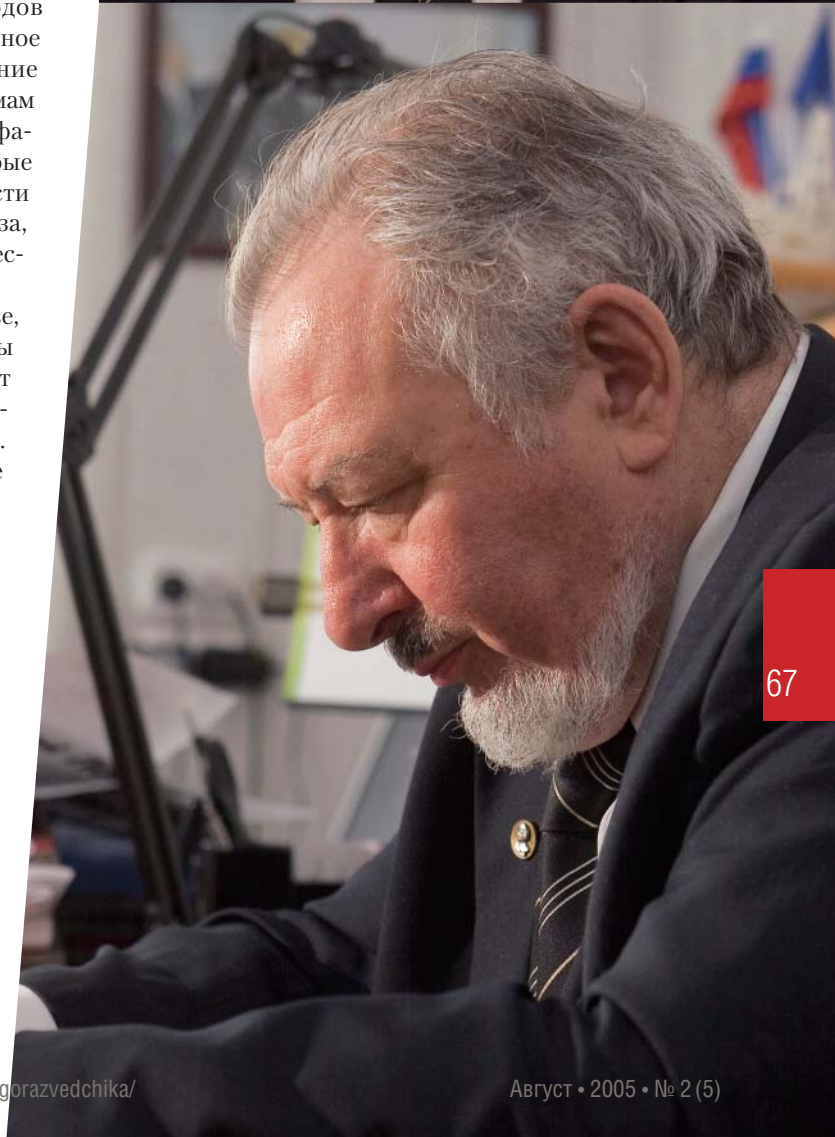
Второй крупный блок вопросов, которому я посвятил достаточно длительный период работы, — это теория прогноза и поиска месторождений нефти и газа. Причем здесь есть своя внутренняя специфика. В Западной Сибири нефть относительно молодая (ей 70–80 млн лет), а в Восточной Сибири — на пространстве между Енисеем и Леной, на Сибирской платформе, — нам удалось найти самую древнюю на планете нефть с возрастом 1 млрд 400 млн лет. Так вот, в теории и методике прогноза месторождений нефти и газа по двум этим регионам есть существенные различия: фактор геологического времени здесь играет огромную роль.

Третья область, которой я занимался с середины 1960-х гг., — это некоторые аспекты математической геологии. Применение математических методов к решению геологических задач и имитационное математическое (компьютерное) моделирование геологических процессов. Интерес к этим проблемам спровоцировала, очевидно, моя учеба на физфаке — тянуло к родному. Ряд результатов, которые мне и моим ученикам удалось получить в области прогноза и поиска месторождений нефти и газа, опирался на широкое использование математического аппарата.

Это было актуально и при плановом хозяйстве, и при нынешних рыночных отношениях. Чтобы прогнозировать, необходимо понимать, как будет развиваться процесс. Ну вот, скажем, мы хотим добывать 300 млн тонн нефти в Западной Сибири... Какие для этого надо предпринять усилия? Какие объемы геологоразведочных работ выполнить? Где и каким образом проводить геофизические исследования и глубокое бурение? Сколько это потребует ассигнований? Каковы риски? Все это, если ты знаешь геологоразведочный процесс и выстроил его теорию, вполне поддается математическому моделированию.

Далее, крупный раздел геологии, без которой эта наука немыслима, — региональная геология. Изучение конкретных геологических объектов. Нам, сибирским геологам, крупно повезло: мы работаем в двух таких уникальных нефтегазоносных регионах, как Западная и Восточная Сибирь. И это еще один большой сегмент моей работы.

Я начал с того, что в геологии между теорией образования нефти и тем,

Алик с отцом, матерью и бабушкой Е. А. Сариянаки

Школьные товарищи

как найти месторождение, барьера нет. Это непрерывный переход. Меня всегда интересует конкретный геолого-разведочный процесс. С начала 1960-х гг.

и по сей день я работаю с практическими геологами. Многие из крупнейших отечественных специалистов в этой сфере — мои соратники и большие друзья.

У нас, сибиряков, это идет, наверное, от таких выдающихся геологов-нефтяников, которых я считаю своими учителями, как Андрей Алексеевич Трофимук, Фабиан Григорьевич Гулари, Николай Никитович Ростовцев. Жизнь без нефтеразведочных экспедиций, без работы с керном, без анализа результатов геологоразведочных работ мне кажется неинтересной. Я всю жизнь занимаюсь этим. Многие из моих учеников в прошлом были главными геологами нефтеразведочных экспедиций, геологических объединений. Мы вместе решали практические задачи. Я считаю, в науке не может быть теории, которая не опиралась бы на практику. Наука должна выходить из эксперимента и, пройдя стадию анализа, возвращаться в эксперимент.

Вот три огромных — и самостоятельных часто — поля, на которых мне приходилось работать: разнообразные

теоретические проблемы геологии нефти и газа; теория прогноза, поиска, разведки месторождений нефти и газа и конкретная поисково-разведочная геология.

Что мы имеем в Восточной Сибири

В конце 1970 — начале 1980-х гг. руководство бывшего Министерства геологии СССР выбрало нескольких ученых, которым было поручено отвечать за разведку ряда крупнейших в Советском Союзе месторождений. К примеру, Григорий Аркадьевич Габрильянц, мой ровесник и большой друг, последний министр геологии СССР, отвечал за разведку гигантского и уникального Астраханского месторождения. Другой мой друг — Алексей Николаевич Золотов, начинавший свою практическую деятельность в Иркутской области, курировал разведку очень крупного месторождения в Казахстане (Карачаганак), настоящей

нефтегазовой жемчужины. Иван Иванович Нестеров, член-корреспондент Российской Академии наук, руководил разведкой ряда месторождений в Западной Сибири. А я был, как всегда, «сослан» — брошен на Восточную Сибирь. Отвечал за разведку Верхнечонского и Дулисьминского месторождений в Иркутской области, а также Собинского месторождения в Эвенкии. Участвовал в разведке Среднеботуобинского, Чаяндинского месторождений. Ну и с самого начала участвовал в проектировании, поисках и разведке уникальнейшего Юрубчено-Тохомского месторождения. Даже название ему дал не кто-нибудь, а мы с моим другом Львом Леонидовичем Кузнецовым — по двум речкам в Эвенкийском автономном округе.

Не сегодня-завтра эти месторождения начнут разрабатываться. Они будут поднимать экономику страны. И важно, что мне посчастливилось дожить до этого момента. Несмотря на все сложности состояния современной российской геологии, совершенно очевидно, в 2008–2010 гг. будут введены в разработку Талаканское ме-

сложные в Якутии, Верхнечонское в Иркутской области, чуть позже — Юрубчено-Тохомское в Эвенкии. Я верю, что уже в 2008 г. начнется разработка и Ковыктинского газоконденсатного месторождения.

Все они будут разрабатываться как минимум 25–30 лет. Многие месторождения Волго-Уральской области были открыты при участии Андрея Алексеевича Трофимука в конце 40-х — начале 50-х, а разработка их ведется до сегодняшнего дня, по сути, полвека... Месторождение — это ведь как живой организм: со своим детским возрастом, зрелостью и т. д. Когда его только вводят в разработку, нефти добывают мало. При полном освоении и правильной организации дела 8–10 лет стабильно добываются максимальные объемы, 3–5% в год от начальных запасов, а потом добыча начинает падать...

Процесс разведки, а потом разработки нефтегазовых месторождений должен быть непрерывным. Сейчас я со своими товарищами участвую в решении стратегических вопросов развития нефтегазового комплекса Восточной Сибири и страны в целом. Речь идет о проектах ввода месторождений в разработку, о подготовке документов, которые легли в основу ряда решений правительства. Обозначилась реальная возможность осваивать нефтяные и газовые месторождения с выходом на Азиатско-Тихоокеанский энергетический рынок. Правительство

поручило подготовить проект освоения газовых ресурсов в Восточной Сибири «Газпрому», а проектирование нефтепровода, на который будут нанизаны будущие месторождения, — «Транснефти». Эти проекты требуют экспертизы. Именно в таких рабочих группах, созданных при Министерстве промышленности и энергетики, участвуют вместе со мной сотрудники нашего института.

Ученый-геолог — как Ленин в Разливе

Нынешняя молодежь по понятным причинам не читает Ленина, но из среднего поколения, может быть, кто-то еще помнит предисловие к работе «Государ-

ство и революция». Ленин писал его на Ладожском озере, в Разливе, где после июльского кризиса 1917 г. скрывался от Временного правительства. Поскольку он для себя решил, что в ближайшее время большевики должны прийти к власти, ему нужно было упорядочить свои представления о государстве с точки зрения марксизма. И тут неожиданно в его тексте появляется такая фраза: чем, дескать, теоретизировать о революции, лучше заняться ею непосредственно самому. Короче, мол, я оставляю эти записки и пошел...

Так и современным, по-государственному мыслящим ученым-геологам часто приходится оставить теоретические изыскания и направить свои усилия на выработку рекомендаций правительству, другим государственным структурам, администрациям субъектов Федерации, промышленным компаниям в области стратегии развития экономики. В моем случае — нефтегазового комплекса страны, теории и практики недропользова-

ния, разработки программ геологоразведочных работ, обоснования уровней добычи нефти и газа и многих других с позиций фундаментальной науки прикладных задач.

Это моя позиция, это моя боль. Меня цитируют: вот, мол, Конторович сказал: «Отечество в опасности», не преувеличивает ли? По объемам добычи нефти и газа мы одни из первых в мире... Нет, у меня были на то основания. Остаются и сейчас.

Ска-
жу так:
на уровне 400–450 млн
тонн в год Россия может до-
бывать нефть на континентальной части
как минимум до 2030–2032 гг. При категорическом
условии восстановления объема геологоразведочных работ.
Мы неоднократно говорили об этом президенту и правительству,
теперь эти мысли озвучивает и министр природных ресурсов
Ю. П. Трутнев. Слышал я такого рода высказывания и от пре-
зидента В. В. Путина: «проедаем», дескать, советские запасы.
Действительно, 15 лет мы имитируем развитие отрасли, по-
скольку не ведем в необходимых масштабах геологоразведку.
Рассмотрим один аспект этой проблемы. Сегодня, когда
цена на нефть большая, казалось бы, есть простор для того,
чтобы стимулировать геологоразведку и развивать геоло-
гию, но наши мудрые финансисты создают так называ-
емый стабилизационный фонд. Чем это для нас оборо-
чивается? Поясняю. Если нефть стоит 25–26 долларов
за баррель, то при этой цене налог на добычу полезных
ископаемых в России сносный. А после 26 долларов
за баррель (сейчас так определено законом) 95% вы-
ручки от продажи нефти государство забирает себе.
Добывать, говорит, ребята, добывайте, но деньги

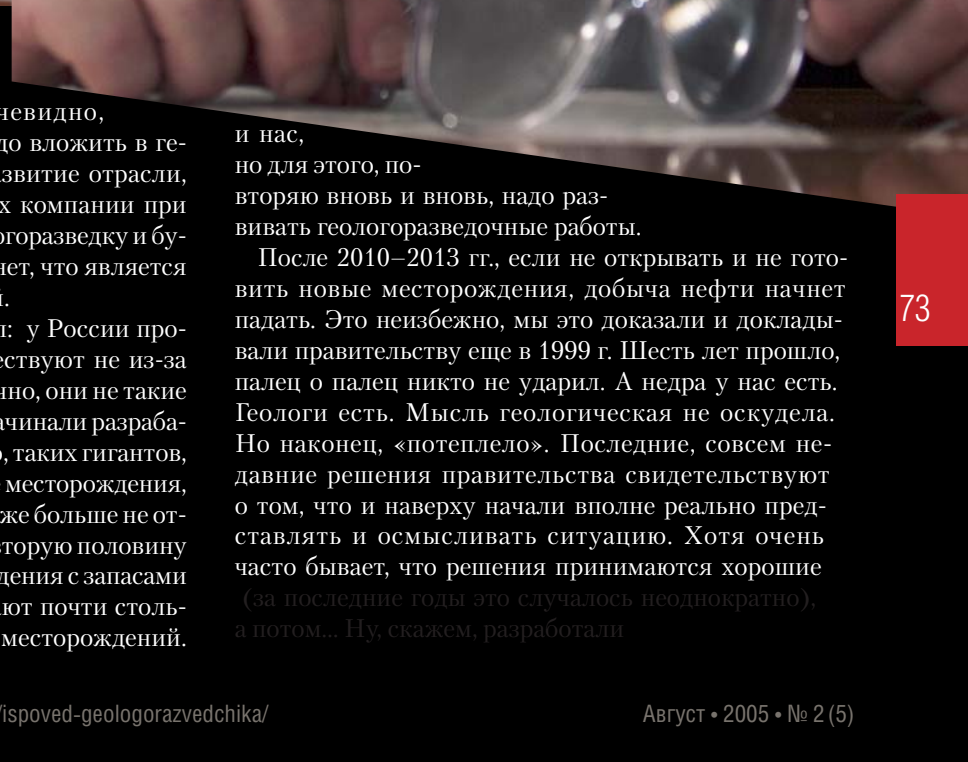
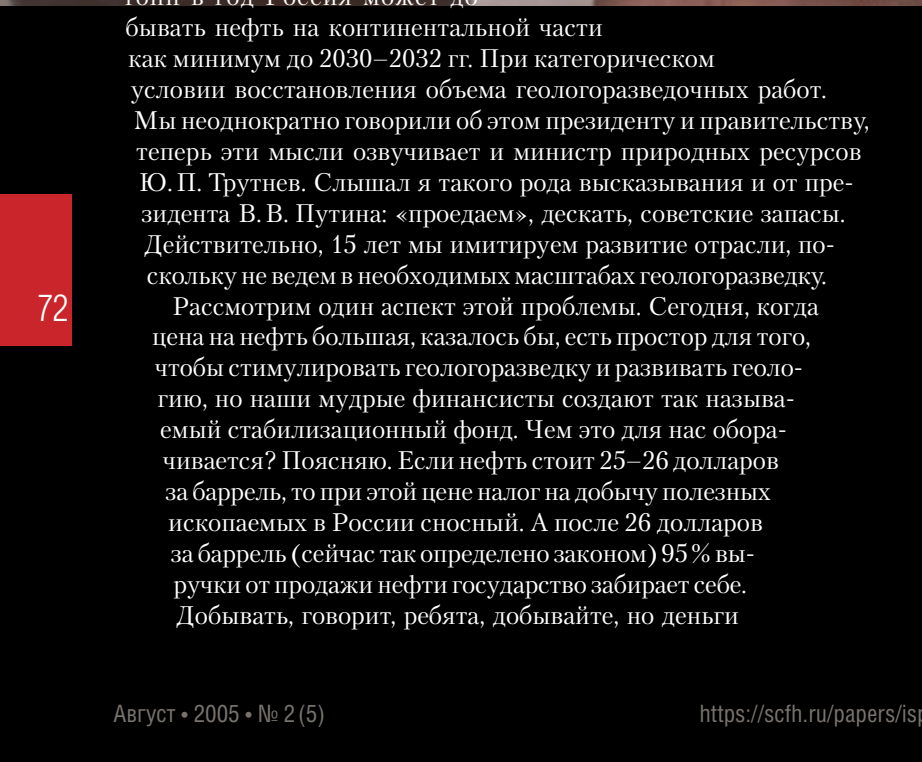

от-
дайте в общий
котел... Это будет называться
стабилизационный фонд. Хотя очевидно,
что какую-то часть из этих денег надо вложить в ге-
ологоразведку месторождения, в развитие отрасли,
ее инфраструктуры или оставить их компании при
условии, что она их направит на геологоразведку и бу-
дет открывать новые запасы. Этого нет, что является
грубейшей стратегической ошибкой.

Много раз публично я утверждал: у России про-
блемы с подготовкой запасов существуют не из-за
того, что недра наши скудеют. Конечно, они не такие
богатые, как прежде, когда только начинали разраба-
тывать тюменский север, и, конечно, таких гигантов,
как Уренгойское или Самотлорское месторождения,
мы на суше, скорее всего, никогда уже больше не от-
кроем. Но США практически всю вторую половину
XX в. открывают только месторождения с запасами
меньше миллиона тонн. А добывают почти столь-
ко же, сколько и мы, — из мелких месторождений.
Подобное ожидает

и нас,
но для этого, по-
вторю вновь и вновь, надо раз-
вивать геологоразведочные работы.

После 2010–2013 гг., если не открывать и не гото-
вить новые месторождения, добыча нефти начнет
падать. Это неизбежно, мы это доказали и доклады-
вали правительству еще в 1999 г. Шесть лет прошло,
палец о палец никто не ударил. А недра у нас есть.
Геологи есть. Мысль геологическая не оскудела.
Но наконец, «потеплело». Последние, совсем не-
давние решения правительства свидетельствуют
о том, что и наверху начали вполне реально пред-
ставлять и осмысливать ситуацию. Хотя очень
часто бывает, что решения принимаются хорошие
(за последние годы это случалось неоднократно),
а потом... Ну, скажем, разработали

Мы в конце 90-х г. «Энергетическую стратегию России» (первую версию), а потом правительство про нее забыло и ничего для выполнения не предприняло. Сейчас создана вторая версия «Энергетической стратегии», и опять ее выполняют крайне скверно. Что касается нефти, выполняют по одному показателю — по добыче, а по глубокому эксплуатационному бурению, поисковому бурению, целому ряду других показателей не делается ничего. Так что нефть в недрах есть, а сумеем мы вовремя подготовить для разработки новые месторождения или нет — это вопрос.

Отечество в опасности

Почему возникли проблемы с геологоразведкой? Отнюдь не потому, что нефтедобыча сегодня в основном в руках частных компаний, которым, как считают многие, только бы «пенки снять».. Нет, так утверждать будет неправильно: некоторые наши нефтяные компании проводят геологоразведку очень активно. Пионером здесь является «Сургутнефтегаз». Там есть выдающиеся организаторы — президент компании доктор технических наук В.Л. Богданов и замечательный главный геолог — доктор геолого-минералогических наук Н. Я. Медведев. Там ведут геологоразведочные работы очень целенаправленно, профессионально и в больших объемах. К тому же параллельно растят новые кадры. У них есть свой огромный научно-исследовательский институт — в Тюмени, с филиалом в Сургуте.

Или компания «ЛУКОЙЛ». Мне удалось с нею познакомиться, когда она вела высокопрофессиональные работы в российском секторе Каспийского моря. Всегда считалось, что акватория эта не очень перспективна, но вот геологам и геофизикам «ЛУКОЙЛа» удалось планомерно, по той системе, которая

была создана в Советском Союзе, регионально изучить эту территорию, выделить нефтепоисковые объекты и в очень короткий срок открыть 6 крупных месторождений нефти и газа. И это, безусловно, хороший задел для того, чтобы сократить падение темпов добычи нефти в европейской части страны.

Есть и еще очень интересные работы (на мой взгляд, правда, они проводятся в недостаточных объемах), например в Обской губе их выполняет «Газпром». В Томской области и Эвенкийском автономном округе до известных событий очень плодотворно и эффективно работала компания «ЮКОС». Но последние события лишили ее этой возможности.

И я не могу тут не прокомментировать происходящее. Считаю: если владельцы и менеджеры компании провинились или не платят налоги, то, конечно, они заслуживают наказания. Я повторяю, ЕСЛИ... Это должен доказать объективный и беспристрастный суд — на сей счет существуют совершенно разные точки зрения. Но! Когда арестовали счета компании, тем самым с прошлого года заморозили геологоразведку. А это тысячи живых людей, которые получили заказы и должны были работать. То что все было вмиг остановлено, с моей точки зрения, просто преступление. На чиновниках, которые осуществляли эту акцию лежит вина: производственный процесс останавливать было нельзя.

Я мог бы и еще назвать хозяев, добросовестно выполняющих геологоразведочную составляющую своих обязанностей. В их числе компания «РУСИАПетролеум», которая разведала в эти года гигантское газовое

Ковыкинское месторождение и ряд других. Словом, вовсе не редкость, когда геологоразведочные работы проводятся сегодня толково и эффективно. Но, к сожалению, в объемах, совершенно недостаточных для экономики нашей страны. Вести разведку, по моему убеждению, должны все недропользователи — мы «подарили» им богатейшие месторождения, и они обязаны на те деньги, которые получают, выполнять весь необходимый комплекс работ. А государство должно управлять этим процессом.

Эффективный инструментарий для этого в новой редакции Закона о недрах предусмотрен, его нужно только применять. Именно этого добиться не удастся. Хотя последние год-полтора Мини-

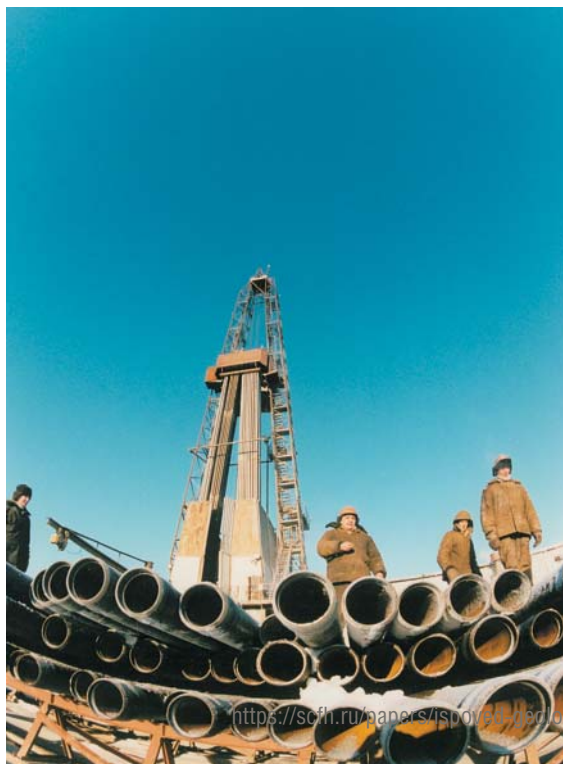
и четкой политикой государственных структур, ответственных за эту работу.

Пример. В Сибири десятки лет идут геологоразведка и нефтедобыча, но дорог у нас как не было, так и нет, и Западная Сибирь, по существу, — гигантское болото. Как в таких условиях должен работать геолог? Он должен заранее знать место, где будет бурить или проводить геофизические профили. И зимой, когда болота замерзнут, построить дорогу и завезти туда все необходимое: оборудование, горючее и т. д. У нас же теперь бывает так: 5–6 месяцев прошло, а план на текущий год все еще не утвержден. Хотя о том, что зимний завоз — это 90% плана, в Советском Союзе знал каждый грамотный инженер... Или, скажем, так: начинается январь, и чиновники неспешно начинают проверять, хорошо или плохо были в прошлом году подписаны договоры. А в это время люди на объекте сидят и ни рубля не получают. Им что, как медведю, лапу сосать?! Финансирование открывают в мае, июне, июле. Это безобразие.

Поэтому я продолжаю утверждать: Отечество в опасности, и ненамного меньше, чем это было два-три года назад. Да, принимается целый ряд разумных решений. Но, во-первых, они точечные и не выстроены в систему. А во-вторых, все решается и делается очень-очень медленно. С огромными проволочками. Между тем, есть такая вещь — фактор времени. Чтобы выиграть и победить, нужно

быть в нужном месте в нужный час. Мы же очень сильно проигрываем во времени. На эксплуатируемых месторождениях добыча падает, надо открывать новые — мы этого не делаем. Короче говоря, нужны политическая воля и неукоснительное исполнение бюджета.

Кто пойдет искать нефть завтра?

ство природных ресурсов и Федеральное агентство по недропользованию, с моей точки зрения, работу в этом направлении существенно улучшили. Понятно, что на подобную систему недропользования страна переходила впервые в 90-е гг. XX в., люди не имели соответствующего опыта. Автоматически перенести в Россию американский, европейский или африканский опыт бессмысленно, поэтому страна нарабатывала свои подходы, сегодня они более-менее ясны. Но толк будет лишь при сочетании повсеместного неукоснительного выполнения Закона о недрах с осознанной

Еще одна проблема сегодняшней российской геологии — кадры. Казалось бы, они у нас есть и их продолжают готовить. Но в последние годы значительная их часть уходит в банки, в бизнес, куда угодно, то есть в отрасль не попадает.

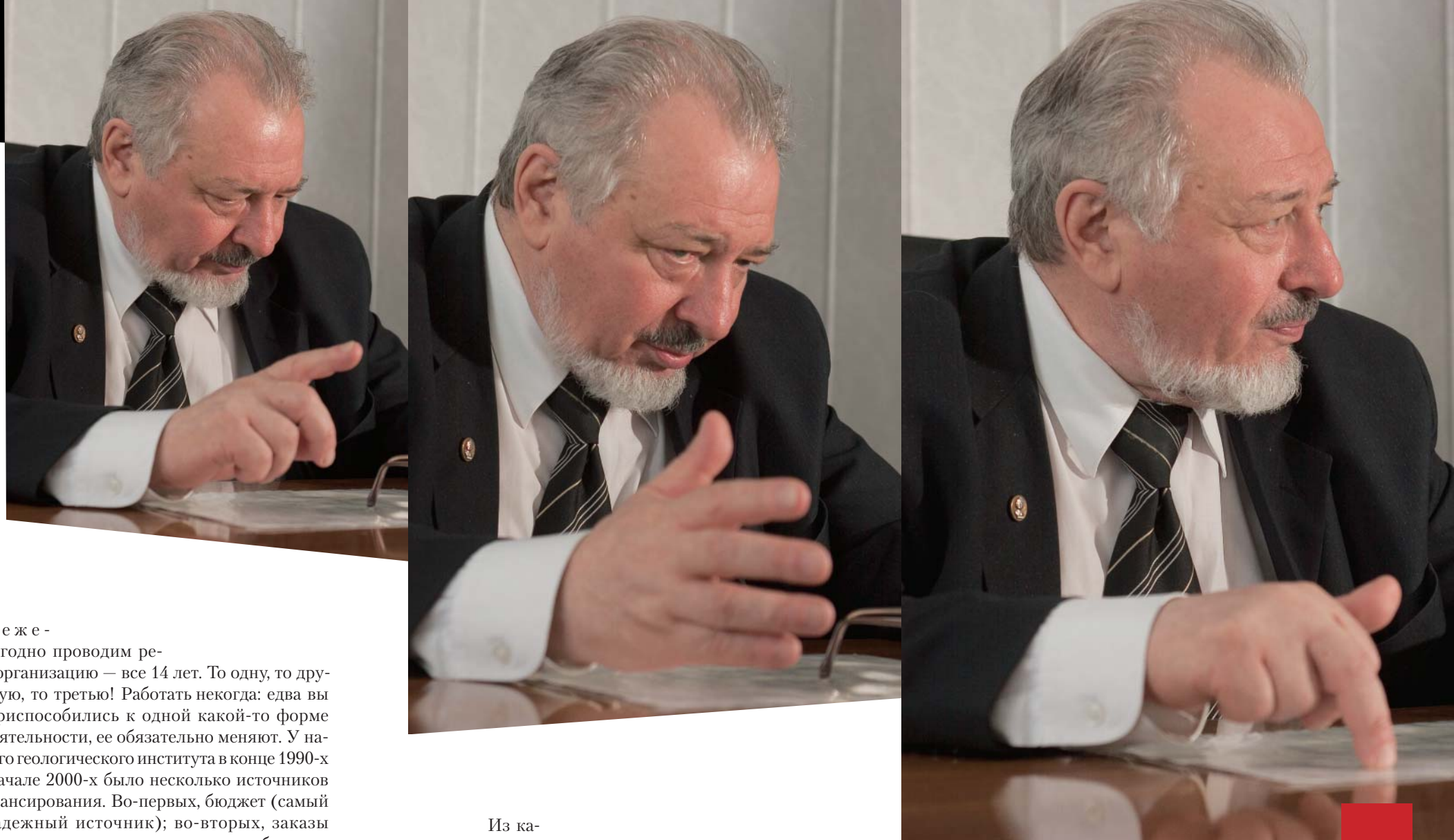
Да, собственно, и некуда попадать. Например, в Тюмени было нефтеразведочное управление «Главтюменьгеология» — крупнейшая в мире компания по поискам и разведке месторождений нефти и газа. Что с ней? Ее нет. Крупнейшие нефтегазовые предприятия были в Томской области, в Красноярском крае, в Иркутской области, в Якутии — их нет! В 1990-е гг. их ликвидировали, приватизировали, акционировали, разворовали...

Следовательно, деформировался и кадровый состав отлаженной некогда как часы мощнейшей геологоразведочной машины. Геолог, которому было 45 и который находился в расцвете сил, сегодня приближается к своему 60-летию, последние пятнадцать лет он не работал, значит, как профессионала мы его потеряли. А новый геолог — смена ветерану — он учится... Но учится в основном лишь теории. В Советском Союзе его обязательно посылали на практику, и к диплому он многое знал и умел. Сегодня ни одна компания не берет студентов на практику. А геолог не может состояться, если он не работает на обнажениях, в геологических экспедициях. Однако сейчас это стоит бешеных денег, ни у университетов, ни у научно-исследовательских учреждений их нет.

Правда, благодаря усилиям Сибирского отделения, его Президиума, мы очень много в этом плане делаем, и экспедиционная работа продолжается. Геологические отряды Объединенного института геологии, геофизики и минералогии СО РАН работают, ведут геологоразведку на всей территории Сибири: на Ямале, на берегу Северного Ледовитого океана, в Тикси, на Лене, в бассейне Оби и до самого юга. Это стоит огромных средств, но мы это делаем. Скажем, минувшей зимой один наш отряд (там были и студенты) два месяца отработал в Алтайском крае. И опять возникла проблема. Я как директор пошел на риск: не имея денег от алтайской администрации, провел экспедиционные работы. За них — а это два месяца в снегу и на морозе — надо хорошо платить. Я пообещал людям, а денег все нет и нет. Я, конечно, заплатил, но взял средства, что называется, из «зачачки»...

Прикладная и главная

И тут я должен сказать о самой что ни на есть «прикладной» стезе моей деятельности: ведь работу нынешнего директора института и директора института советского времени сравнивать невозможно. Почему? В то время мы должны были составить план работы института, отчитаться и получить деньги на будущий год под те задачи, которые должны выполнить. И дальше ты был уверен, что строго фиксированная зарплата (у доктора наук — 500 рублей, у младшего научного сотрудника — 105 рублей) придет день в день. И если ты удержишь ее выдачу, то это будет грандиозный скандал, которым займется партком и прочие... Задача директора вместе с ученым советом состояла в правильной постановке целей перед институтом и создании условий для научного творчества. Сегодня же директор института 70% времени тратит не на создание творческого процесса в коллективе, а на выбивание денег. Потом, когда выбил, тратит время на то, чтобы их проплатили вовремя. Ну и так далее. Суета сует...

Еще одно: сейчас затевается очередная реформа Академии наук и науки вообще. Это отнимает последнюю надежду на какую бы то ни было стабильность и нормальную плановую работу. Сколько помню, с того рокового 1991 г. мы

е же - годно проводим реорганизацию — все 14 лет. То одну, то другую, то третью! Работать некогда: едва вы приспособились к одной какой-то форме деятельности, ее обязательно меняют. У нашего геологического института в конце 1990-х и начале 2000-х было несколько источников финансирования. Во-первых, бюджет (самый ненадежный источник); во-вторых, заказы министерств; в-третьих, заказы субъектов Федерации; в-четвертых, заказы компаний... На это мы и ориентировались. Но с тех пор как г-н Кудрин стал министром финансов, источники эти стали катастрофически «вымываться». Раньше мы много работали с Минтопэнерго (так оно тогда называлось), пока у него все деньги не отобрали. Потом отобрали деньги у субъектов Федерации — все уходит в Москву, как в бездонный ящик. А ведь мы работали с ямальской, ханты-мансийской, томской, тюменской, красноярской администрациями...

Из каких средств они будут теперь оплачивать наши разработки? Поэтому директору института все время приходится перестраиваться и подлаживаться, что, безусловно, создает дискомфорт. А «тропой заказов» ты идешь не один, за тобой коллектив — и от этого нестабильность становится мучительней.

Стараюсь относиться к этому спокойно: не я первый из геологов, кто «впряжен» в экономические проблемы. Это касается как попыток влиять на государственную политику или хотя бы общественное мнение относительно состояния и перспектив геологической отрасли, так и оптимального «сопряжения» деятельности нашего Института

с реалиями происходящего. Если вспомнить Андрея Алексеевича Трофимука, то экономическими, или иначе — государственными, аспектами геологии он занимался всегда. Это был по-настоящему крупный государственный деятель. И таких людей среди нашего брата-геолога я знаю много.

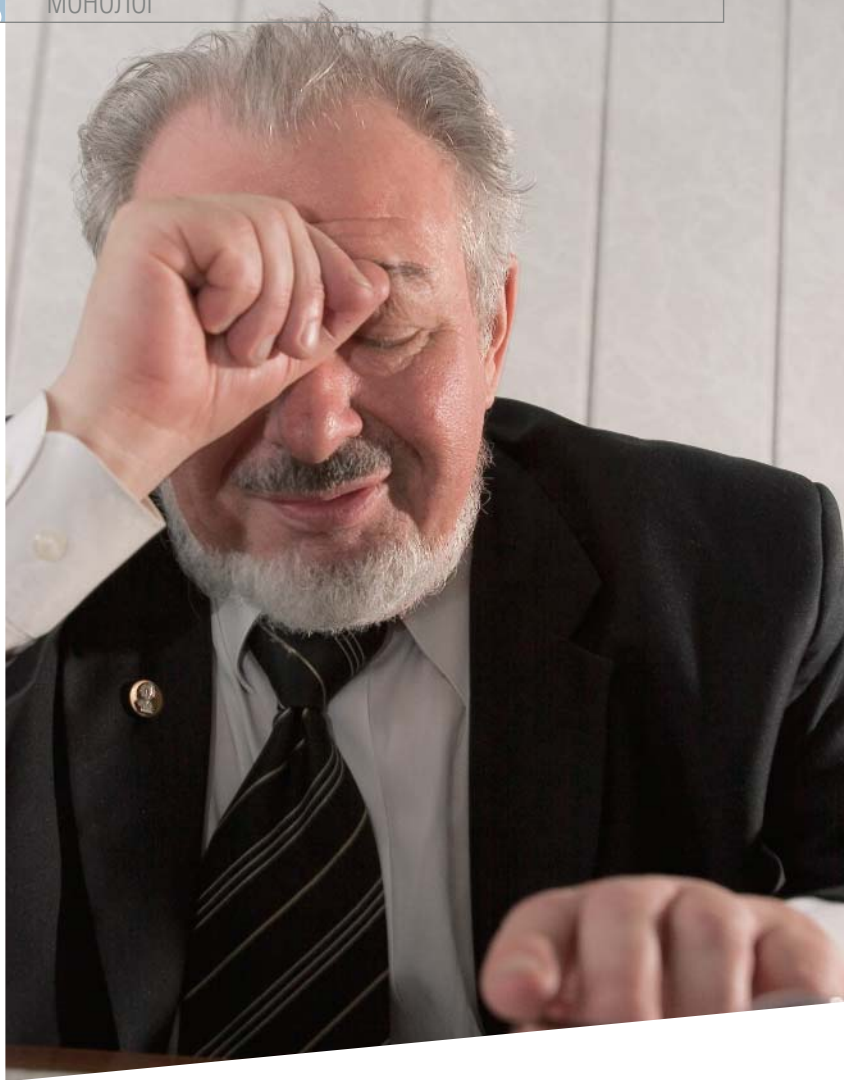
За примером далеко ходить не надо: Николай Леонтьевич Добрецов, выдающийся ученый, по существу принес себя в жертву Сибирскому отделению РАН. Вместо того чтобы вести новые научные исследования, он день и ночь, по сути, занимается административной деятельностью.

Конечно, это необходимо, и так

было всегда. Тот же Андрей Алексеевич Трофимук очень активно работал и всегда был нужен множеству людей. Ему уже было много за семьдесят, а он каждую неделю летал то к нефтеразведчикам, то в Москву, то по городам Сибири — неустанно, до тех пор пока инфаркт не лишил его этой возможности. Или Валентин Афанасьевич Коптюг. Круг его обязанностей, связей и ответственности был настолько велик, что, помогая людям, он сторел, поистине как горьковский Данко.

...В общем, я прекрасно отдаю себе отчет: если бы я не занялся разного рода прикладными аспек-

тами любимой мной геологии, то, наверное, жил бы спокойно. А как только ты уходишь в практику, и твоя работа эффективна, и ты нужен людям — неизбежно возникает состояние некоей неудовлетворенности.

Да, я сейчас востребован и считаю, что если ученый никому не нужен, это плохо и неинтересно. Однако и та ситуация, в которой я сейчас оказался, ужасна. Очень трудно планировать свою научную работу, свою деятельность как руководителя, жизнь вообще. Когда-то в знаменитой книжке «Физики шутят» я прочел: что нужно сделать, чтобы стать настоящим ученым? — Научиться говорить «нет»! Но я усвоил это для себя раз и навсегда, пожалуй, только в одном отношении: если мне приносят статью, которую я не писал, а в списке авторов стоит моя фамилия, я говорю: «Нет, ребята! Помочь вам отредактировать — могу, но участвовать не буду...» В ситуации большой профессиональной и общественной востребованности надо бы, конечно, от многого отстраниться. У меня это получается плохо.

<https://scfh.ru/papers/ispoved-geologorazvedchika/> НАУКА из первых рук

Но я думаю, так же плохо получается освободиться от каких-либо обязанностей и многочисленных обязательств и у Николая Леонтьевича Добрецова. Поэтому приходится заранее четко расписывать год, месяц, неделю, день, предельно скрупулезно планировать свое время. (Но и это не всегда получается: ты спланировал одно, а начинаются какие-то заседания, встречи, визиты.)

И при всей этой круговерти ученый не имеет права терять форму в основном виде своей деятельности — науке. Если он перестал работать в лаборатории и за письменным столом, он потерял форму...

У меня, как я уже говорил, был учитель, член-корреспондент АН СССР Николай Брониславович Вассоевич — один из самых выдающихся ученых в области геологии нефти и газа второй половины XX в. Он жил не так, как я, — совсем не занимался практикой, был чистым теоретиком, замечательным педагогом, заведовал кафедрой МГУ. У него был удивительный суточный график, которого я тогда не понимал: вставал в 4 часа ночи и работал до 8 утра. А потом начиналось все остальное — лекции, дела кафедры и прочее... В ту пору такой распорядок мне казался чудачеством, теперь я понимаю, что это было гениальное решение. Сейчас я встаю в четыре — полпятого и до семи часов (в восемь уже прихожу в институт) работаю. Куда бы я ни поехал, компьютер со мной, и этот режим я не нарушаю нигде.

Еще многое не написано, не сделано. Например, хотелось бы поплотней заняться организацией учебного процесса на кафедре в НГУ, написать несколько учебников и учебных пособий и всласть почитать лекции. Но самое главное, что я любил всегда, — это работать с молодежью. В известной степени тут я рекордсмен: более 70 моих учеников защитили кандидатские диссертации. Я бесконечно возился бы с этими мальчиками и девочками, старающимися сказать свое слово в науке. Если бы у меня было время...

